

ТИПЫ НОМИНАЦИИ ЛИЦА В МАРИИНСКОМ ЕВАНГЕЛИИ

1. Детальный анализ способов номинации способствует получению многоаспектной информации о структуре анализируемого текста и в то же время дает возможность разграничивать эти аспекты. Как представляется, именно номинации лица являются оптимальными для исследователя участками текста, аккумулятивными – на ограниченной линейной протяженности – максимальное количество сообщаемого. При этом возможно различать следующие пласты текстовой информации: структурно-текстологический, нарративно-текстологический, прагматический и лингво-текстологический, пласты, связанные между собой, но принципиально стратифицируемые. Текст Четвероевангелия представляет для этого огромные возможности не только потому, что дает во многих случаях четырехмерную проекцию сигнификатов при тождественных денотатах, но и потому, что в тексте название последовательно отличается от статуса, обсуждение и того, и другого включается и в текст, и в "историю" **ВЕСЬ ГРАДЪ ГЛА КТО СЪ ЕСТЬ (МѠ XXI 10); ЧЬТО ОУВО ТЫ ЕСИ. ЛИЪ ЛИ ЕСИ. (И I 20); ТЫ ЕСИ ХЪ СЪНЪ БА ЖИВААГО (МѠ XVI 16); ГИ ВИДЖЪ БО ПРКЪ ЕСИ ТЫ (И IV 19); НЕ СЪ ЛИ ЕСТЬ ИС. СЪНЪ ИОСИФОВЪ. ЕМОУЖЕ МЫ ЗНАЕМЪ ОТЦА И МАТЕРЬ (И VI 42)** и т.п., но **ТЫ ЕСИ СИМОНЪ СЪНЪ ИОНИНЪ ТЫ НАРЧЕШИ СЯ КИФА ЕЖЕ СЪКАЗАТЬ СЯ ПЕТРЪ (И I 43); ИЗЪ НЕА ЖЕ РОДИ СЯ ИСЪ НАРИЦАЕМЫИ ХСЪ (МѠ I 16)** и т.д.

2. К структурно-текстологическому аспекту номинации относится прежде всего выявление состава номинируемых объектов. Состав лиц в Евангелии представлен большим массивом *Nomina propria*, не совпадающим по всем текстам, лицами – носителями абстрактных ценностей, поступающих ложно или истинно (морально-этически ориентированная группа), лицами-представителями конкретных профессиональных занятий (социально-ориентированная группа), особое место занимают больные, жители определенных регионов, воплощения абстрактных начал. При этом различаются лица основного текста и персонажи сопровождающих текстов, входящие в текст притч, генерализованных рассуждений и т.д. Рассмотренные в предикативно-атрибутивном окружении и в контактной или дистантной текстовой дистрибуции, эти имена составляют структуру сюжетного ядра текста (с общим различием центра и периферии). Таким образом, в структуру текста входит денотативный аспект номинации.

3. Нарративно-текстологическим аспектом номинации мы считаем избранный принцип движения информации по тексту, сосредоточенный в дистрибуции именных сочетаний. При этом существенно различать первичное название лица и его повторные номинации. В первичном назывании возможно разное распределение фактического: от актуально необходимого до предвещающего будущие события. См. разную по нарративному месту характеристику Иуды: **И ЮДА**

ИСКАРИОТЬСКИ. ИЖЕ И ПРЪДАСТЬ (МѢХ 4); ИЮДЪ ИСКАРИОТЬСКААГО, ИЖЕ И ПРЪДАСТЬ И (М III 19); ИЮДЪ ИСКАРИОТЬСКААГО, ИЖЕ БЫСТЬ И ПРЪДАТЕЛЬ (Л VI 16). Но у Иоанна: НЕ АЗЪ ЛИ ВАСЪ ДВА НА ДЕСАТЕ ИЗБРАХЪ. I ОТЪ ВАСЪ ЕДИНЪ ДИВЪВОЛЬ ЕСТЬ. ГЛАШЕ ЖЕ ИЮДЪ СИМОНОВА. ИСКАРИОТА СЪ БО ХОТЪШАЕ ПРЪДАТИ И. ЕДИНЪ СЫ ОТЪ ОБОЮ НА ДЕСЕ (И VI 70-71). Таким образом, последовательный анализ соотношения информации при имени с общесообщаемым сюжетом позволяет отличать в евангельских текстах "историю" от текста, определенным образом построенного. В повторных номинациях важен тип анафорических цепочек (*Nomina propria*, серийные местоимения, чередования разных типов номинации и т.д.), соотносенных с местом называемого лица в общей системе персонажей.

4. Прагматический аспект номинации обеспечивает модально-оценочную сторону анализа текста, выявление разных по ориентации "точек зрения" на одно и то же лицо, а также классификацию микроконтекстов внутри четырех евангельских текстов по типу представленных в них номинаций. Прежде всего строго различаются номинации в основном авторском изложении и номинации в прямой речи, например: И ЕГДА БЪИДЕ ВЪ ДОМЪ. ВАРИ ИС. ГЛА. ЧТО ТИ СА МЪНИТЬ СИМОНЕ ... I РЕЧЕ ЕМОУ ПЕТРЪ (МѢХ VII 25-26); ГЛА МАТИ ИСЪВА КЪ НЕМОУ. ВИНА НЕ ИМЪТЪ. ГЛА ЕИ ИСЪ. ЧТО ЕСТЬ МЪНЪ И ТЕБЪ ЖЕНО. (И II 3-4). Однако в прямой речи доминируют перифрастические структуры, с выявлением и различных субъективно-модальных пластов, в основном тексте преобладают прямые номинации. Особое место в евангельских текстах, помимо двух основных названных выше, занимают еще два вида контекстов: сообщения в авторском тексте о номинациях прямой речи: РЕЧЕ ЖЕ ИМЪ ИСЪ АЗЪ ЕСМЪ ХЛЪБЪ ЖИВОТЪНЫИ (И VI 35); сообщения о прямой речи одних лиц о номинации в прямой речи другого лица: РЪПТААХЪ ЖЕ ИЮДЕИ О НЕМЪ ЪКО РЕЧЕ АЗЪ ЕСМЪ ХЛЪБЪ СЪШЕДЫИ СЪ НЕБЕСЕ (И VI 41); при этом акт самономинации отличается от самообъявления сущности: РЕЧЕ БО ЪКО БЪИИ СЪНЪ ЕСМЪ (МѢ XXVII 43). Внутренним метатекстом являются "номинации о номинации", иногда с внутренним переводом: ОНА ЖЕ РЪСТЕ ЕМОУ РАВЪВИ. ЕЖЕ ГЛЕТЪ СА СЪКАЗАЕМО ОУЧИТЕЛЮ (И I 39); ЧТО ЖЕ СЪТВОРИЪ ИСА НАРИЦАЕМААГО ХА (М XXVII 22); ГЛА ЕМОУ ЖЕНА. ВЪМЪ ЪКО МЕСИЪ ПРИДЕТЪ РЕКОМЫ ХЪ (И IV 25).

5. К лингво-текстологическим аспектам номинации (т.е. собственно к лингвистике текста) относится прежде всего анализ идентифицирующих, индивидуализирующих и квалифицирующих компонентов номинации лица. Отрешаясь от некоторой точки зрения, явно не выражаемой, но имплицитно принимаемой, согласно которой все языки, которые принято считать литературными, тем самым как бы и уравниваются, можно ввести критерии развитости того или иного литературного языка и тем самым его оценки (см. концепцию О.Ес-персена). Определив при таком подходе некоторый обязательный

набор необходимых эволюционных этапов, можно оценивать литературные языки по степени их эволюционного расхождения. Предлагается гипотеза, согласно которой одним из таких критериев является именно богатство показателей неопределенности при имени, так как за ними обычно стоит и больший жизненный кругозор носителей языка (в широком смысле — *Mundus*) и соотнесение неопределенной дескрипции с общей суммой модально-футуральных компонентов высказывания, т.е. с "возможными мирами". Примечательно, что исходным в формировании этой категории в языках является показатель определенности, т.е. идентификации или уникальности (ср. этот показатель как исходный компонент в формировании общей семантики вида у Телина). Ср. также данные об активном формировании неопределенных показателей при имени в современном русском языке и, с другой стороны, тенденцию к превращению показателей определенности: *вот, вон, это, то* и т.п. в неизменяемый компонент на уровне всего высказывания. Местоименные детерминирующие показатели при именах лица в евангельских текстах представлены в основном дефицитными дескрипциями, количество неопределенных показателей очень мало и они, по предварительным данным, не обладают устойчивой дистрибуцией, функциональным различием и не всегда объясняются через греческий текст: БѢ ЖЕ ЧЛВКЪ ОТЪ ФАРИСѢИ, НИКОДИМЪ ЕМОУ ИМА Ἦν δὲ ἄνθρωπος ἐκ τῶν Φαρισαίων, Νικόδημος ὄνομα αὐτοῦ (И III 1); БѢ ЖЕ ТОУ ЕДИНЪ ЧЛВКЪ Ꙗ І ОСМЬ ЛѢТЬ ИМЪ МЪ НЕДѢСѢ СВОЕМЪ. Ἦν δὲ τις ἄνθρωπος ἐκεῖ τριάκοντα καὶ ὀκτὼ ἔτη ἔχων ἐν τῇ ἀσθενείᾳ αὐτοῦ (И V 5); ЧКЪ ЕТЕРЪ ИМЪ ДВѢ ЧАДѢ. ἄνθρωπος εἶχεν τέκνα δύο. (МѢ XXI 28); ВЪНИДЕ ИСЪ ВЪ ВЕСЬ ЕДИНЪ ЖЕНА ЕДИНА ИМЕНЕМЪ МАРЪТА. εἰσῆλθεν εἰς κώμην τινὰ γυνὴ δὲ τις ὀνόματι Μάρθα (Л X 38); ОУДАРИ ЕДИНЪ НѢКЫ ОТЪ НИХЪ АРХИЕРЕОВА РАБА. ἐπάταξεν εἰς τῆς ἐξ αὐτῶν τοῦ ἀρχιερέως τὸν δούλον (Л XXII 50); ЕДИНЪ ЮНОША ЕТЕРЪ ПО НЕМЪ ИДЕ. Καὶ νεανίσκος τις συνηκολούθει αὐτῷ (М XIV 5); ЖЕНА ЕДИНА СЪШТИ ВЪ ТОЧЕНИИ КРЪВѢ καὶ γυνὴ οὖσα ἐν ῥίσει αἵματος (М V 25) (ср. греч. у Бласса и Дебруннера). Рассмотрение в синхронном плане показателей определенности — неопределенности при имени может выявить индивидуальные особенности типа литературного языка каждого автора как его текстовый идиолект. Можно высказать некоторые предварительные соображения об отличии евангельских текстов в этом плане. Лингво-текстологическим явлением следует считать и соблюдение определенных правил анафорики, в частности, тех уровней прономинализации и рефлексивизации, при которых обеспечивается однозначное определение объекта. Интересно, что именно такие, необходимые для идентификации лица и объекта анафорические вставки были сделаны в последних по времени русских изданиях текста Евангелия.

6. Лингво-текстологический анализ включает и решение проблем типологического характера, в первую очередь, выявление нарративных и собственно лингвистических различий в изучаемом еван-

гельском тексте и греческом тексте Евангелия. Существенны также данные о типологии номинаций по текстам евангельского греческого и близкого текста классического греческого ("Жизнеописания" Плу-тарха), рассмотренные в сопоставительном плане.

НЕКОТОРЫЕ ПРИЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА В "СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ" И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НАГРУЗКА

1. Обилие исследований, посвященных "Слову о полку Игоре" и осветивших за эти годы многие его первоначально затемненные аспекты, не исключает, как представляется, еще одной возможности внимательного прочтения его текста, рассмотренного в "самом себе"; с целью обнаружить его глубинную семантическую структуру — пользуясь некоторыми новыми методами коммуникативного синтаксиса, лингвистики текста и лингвостилистики и, по возможности, не выходя за их пределы. В работе использовался тот подход, при котором в систему селекции функционально интерпретируемых языковых показателей входят не только выбранные, эксплицитно представленные компоненты системы, но и феномены не-выбранные, не-эксплицируемые; кроме того, существенна дистрибуция положительного—отрицательного выбора языковых компонентов, т.е. их отношение к опорным смысловым точкам. Полный анализ дистрибуции является в этом смысле подкреплением непосредственной содержательной интерпретации текста.

2. Основным выводом проделанного анализа является вывод о методе антитез-скреп, как об основном способе организации текста, применяемом автором "Слова". В пределах тех и других различаются внешние антитезы и скрепы, помогающие непосредственной организации текста, и внутренние антитезы и скрепы, составляющие глубинную смысловую структуру "Слова". Таким образом, вся ткань памятника представляется сложной системой переплетающихся противопоставлений. Сама последовательность текста легко демонстрирует членимость на отрезки, заканчивающиеся афористично-результативными антитезами (КА — конечная антитеза). Примеры КА цит. по изд.: Слово о полку Игоре. М.-Л. 1950: *Уныша бо градомъ забралы, а веселие понице; Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкыми, а Володимиръ подъ ранами; То было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицей рати не слышано* и т.д. В пределах каждого вычленяемого таким образом отрезка представлена обязательно более существенная для смысла внутренняя антитеза — ВА. См. ВА указанных выше отрезков: *Поютъ славу Святъславлю, каютъ князя Игоря; Ты бо кликомъ плъкы побъждаютъ, звонячи въ правднюю славу. Из рекосте: "Мужайтсѣ сами"...; Ярѣ туре Всеволод ... гремлеши о шеломы мечи харалужными... Тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше* и т.п. В свою очередь скрепы представляют собой (приводим по примеру):